

Матушка Лян сглотнула, неловко произнесла:

— Разве ты меня не ненавидишь? Здесь даже собаки меня сторонятся, а бабушка снова начнет ругаться. Я лучше уйду. Если что-то понадобится, приходи ко мне. Отец каждый месяц дает мне деньги на жизнь, но я их не трачу, все коплю. Кстати, он ведь еще не отдал деньги за гроб?

Лян Цзинь усадил ее, серьезно сказав:

— Мама, прости меня, раньше я был неправ. Ты можешь простить меня? Я тебя не гоню. Теперь нас только двое, давай жить спокойно, чтобы отец не переживал.

Радость и удивление еще не успели покинуть сердце Матушки Лян, как дверь западной комнаты распахнулась. Бабушка Лян, с лицом, полным гнева, указала на Лян Цзиня и закричала:

— Я так тебя любила, а ты вместо хорошего учишься воровать! Это ты взял деньги из «Синье»? Кто дал тебе право решать, не спросив взрослых? Что ты вообще можешь понять, ребенок?

Матушка Лян, которую свекровь мучила до того, как она уехала, задрожала, услышав этот гневный голос. Лян Цзинь, взглянув на нее, понял, что это ее старая травма, которую невозможно излечить. Он встал и равнодушно сказал:

— Деньги, которые я потратил за эти дни, две тысячи, все из тех, что пришли. Все подарки от гостей у тебя в руках. Разве этого недостаточно? Хочешь, я принесу деньги из банка?

Бабушка Лян покраснела от злости, крича на сына и дочь:

— Вы слышите, что он говорит? Я вырастила его с младенчества, а он так со мной разговаривает? Лучше бы я собаку вырастила, чем тебя!

Лян Цзинь сохранял ленивый вид, но его голос внезапно стал ледяным:

— Бабушка, ты действительно умеешь себя превозносить. Ты вырастила меня? Твой племянник ел мясо, а я пил воду. Разве я не твой внук? Или я слуга? Отец отдавал половину своей зарплаты, чтобы ты готовила мне хорошую еду. Куда делись эти деньги? Я все равно ходил по улицам, как нищий, выпрашивая еду у соседей. Не думай, что я не знал, как вы за закрытыми дверями ели мясо и пили вино. Третий дядя не зарабатывает ни копейки, но жирует, как свинья, и одевается, как богач. Откуда у него деньги, мне даже говорить не нужно.

Его жестокий взгляд устремился на Третьего дядю, который, встретившись с ним глазами, поспешно отвел взгляд. Лян Цзинь тихо усмехнулся:

— Если бабушка намерена продолжить эту игру и издеваться над нами, сиротой и вдовой, то, видимо, ей не нужна эта репутация. Тогда давайте выйдем на улицу и покричим. Думаю, мой дядя, начальник отдела, будет рад иметь такую тещу.

Бабушка Лян, гордившаяся тем, что ее дочь вышла замуж за богатого, всегда держала нос высоко, общаясь с деревенскими. Старики, которые раньше дружили с ней, насмехались:

— Чэн Ин — настоящая героиня семьи Лян. Если бы не она, как бы дети могли жить в достатке? Все, что есть в доме, присылает зять.

Слова Лян Цзиня попали в самое больное место. Бабушка Лян, вне себя от ярости, закричала:

— Ты, неблагодарный урод! Жди, я тебя проучу!

Лян Цзинь не стал церемониться:

— Бабушка, ты управляешь дедушкой и остальными, но я тебя не признаю. Сегодня я говорю прямо: кто бы ни пришел, не смей болтать передо мной. Если меня разозлишь, я сброшу его с высоты и убью.

Его кроваво-красные глаза заставили всех отступить на несколько шагов. Он не смог сдержать смеха:

— Все вы — трусливые дармоеды. Валите отсюда!

Дверь, покрашенная красной краской к Новому году, с грохотом захлопнулась, заставив сердца всех задрожать.

Матушка Лян с тревогой посмотрела на сына:

— Бабушка гордая, ты сегодня так ее унижил, она обязательно отомстит. Может, поедем ко мне? Там будет спокойнее.

Лян Цзинь налил стакан воды и поставил перед матерью, улыбаясь:

— Не обращай на нее внимания. Не знаю, кто ее так избаловал. Дедушка, высокий и сильный, позволил ей себя подчинить, и это его вина. Это наш дом, мама, держись уверенно, не бойся.

Матушка Лян смущенно кивнула. Она была чужой в этой семье, и родственники мужа всегда смотрели на нее свысока. Еще до свадьбы с Хуаймином они показывали свое недовольство, а после свадьбы и вовсе стали вымещать на ней злость, постоянно упрекая и оскорбляя. Когда она рожала Лян Цзиня, ей было невыносимо больно, и она умоляла свекровь вызвать акушерку, но та долго не соглашалась. Время ожидания было пыткой. После родов у нее не хватало молока, и она хотела съесть яйцо, но, увидев, как свекровь собирает целую корзину яиц для своей дочери, которая вышла замуж за чиновника, не посмела сказать ни слова.

Только когда возвращался Хуайминь, она могла позволить себе немного жирной пищи. Если бы не ради мужа и сына, она бы никогда больше не переступила порог этого дома.

У матери и сына не было аппетита, они перекусили, и Матушка Лян вскипятила воду, чтобы он умылся. Лян Цзинь, однако, посмотрел на улицу и тихо сказал:

— Мама, ложись спать пораньше. Завтра не выходи из комнаты, бабушка обязательно придет скандалить.

Матушка Лян, добавляя воду в таз и проверяя температуру, вздохнула:

— Да, это будет неприятно.

Лян Цзинь, присев на корточки, плеснул водой на лицо и улыбнулся:

— Я не пойду в школу эти дни, нужно разобраться с делами.

Матушка Лян ничего не сказала, опустив голову и глядя на пол, пока сын умывался и выносил таз. Стоя в коридоре, она снова начала волноваться. Вся семья Лян считала их с сыном врагами, и каждый день они жили под их пристальным взглядом, слушая ругань. Но, по

крайней мере, сын больше не отдалялся от нее.

На следующий день, ближе к обеду, тихий двор скоро наполнился шумом. Люди из главного дома прошли мимо западной комнаты, и у ворот остановилась машина.

Лян Цзинь усмехнулся:

— Быстро же новости распространяются.

Матушка Лян, услышав, что приехала старшая дочь, не знала, стоит ли выйти ее встретить. Раньше, когда старшая дочь приезжала на Новый год, вся семья выходила встречать ее с большим шумом, и деревенские каждый раз смеялись. Однажды она немного замешкалась, и свекровь ее крепко отругала. Она уже собиралась выйти, но Лян Цзинь остановил ее:

— Мама, я голоден.

Лян Хуайюй, увидев, что брат и его семья не вышли, была недовольна, но все же улыбнулась и утешила мать:

— Дети, наверное, еще не поняли. Я поговорю с ними позже. Бедный брат, он так рано ушел. Я была занята своими делами и не смогла приехать на похороны.

Лян Хуайюй ждала, что мать и сын сами подойдут к ней, но Лян Цзинь спокойно ждал, пока она сама заговорит. Терпения у него было много, иначе он бы не смог столько лет работать в шахте.

После обеда он сходил в туалет, вернулся и лег на кровать, продолжая спать. Матушка Лян вошла, улыбнулась, немного прибрала и вышла.

Только она взяла ведро, чтобы набрать угля, как вошла старшая дочь. Ее наряд явно стоил немало, но улыбка не дошла до глаз:

— Невестка, почему ты мне не сказала правду о твоих делах с братом? Посмотри, какие сплетни ходят. Мама очень дорожит своей репутацией, разве ты не ударила ее по лицу? И что с Лян Цзинем? Шахта выплатила компенсацию, и она, конечно, должна быть вашей. Но ты тогда не вернулась, а он маленький, не мог решать, поэтому мама временно сохранила деньги, чтобы отдать их, когда он женится.

Слова звучали сладко, но Матушка Лян не была глупой. Старшая дочь явно обвиняла ее в том, что она научила ребенка плохому и не уважает свекровь. Она замялась, переплетая пальцы, не зная, что сказать. Наконец, она открыла рот, но тут из комнаты вышел Лян Цзинь.

— Тетя, заходи в дом. Все это моя идея, мама тут ни при чем.

Лян Хуайюй сразу нахмурилась, строго сказав:

— Бабушка все для тебя делала, а ты так ее ранил? Неблагодарный, ты ел ее хлеб столько лет.

Лян Цзинь улыбнулся, но не ответил, пока они не сели. Они больше походили на противников, чем на тетю и племянника, что еще больше разозлило Лян Хуайюй.

Она уже не старалась сохранять приятное выражение лица:

— Что тебе, ребенку, делать с такими деньгами? Пусть бабушка сохранит их, а ты возьмишь,

когда женишься.

Автор хочет сказать:

Чмок, добавьте в закладки, кхе-кхе.

<http://bllate.org/book/16631/1523283>